

И. А. ПЕРЕЛЬМУТЕР

ОБ ОППОЗИЦИИ «ПЕРЕХОДНОСТЬ — НЕПЕРЕХОДНОСТЬ» В СИСТЕМЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

В современных индоевропейских языках существуют особые способы (аффиксы или аналитические конструкции), с помощью которых от переходных глаголов образуются формы с интранзитивным (пассивным) значением. По вопросу о наличии специальных способов образования непереходных форм от переходных глаголов на ранних этапах развития индоевропейских языков имеются различные точки зрения, в том числе и прямо противоположные. По мнению одних исследователей, оппозиция «переходность — непереходность» получает в индоевропейских языках формальное грамматическое выражение относительно поздно¹; с точки зрения других исследователей, грамматическая оппозиция «переходность — непереходность» восходит к древнейшей поре общеиндоевропейского языкового состояния. Так, Е. Курилович полагает, что общеиндоевропейский глагол обладал двумя сериями глагольных форм: активной и пассивно-интранзитивной². Эту же точку зрения разделяет и советский компаративист Вяч. Вс. Иванов, исходящий из противопоставления «двух основных серий индоевропейских глагольных форм (пассивной и активной)»³, или же, в несколько иной формулировке, из противопоставления «непереходно-перфектно-медиопассивной 2-й серии и активной 1-й серии»⁴.

Несовместимость этих точек зрения вполне очевидна. Столь же очевидно и большое значение интересующего нас вопроса для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.

В нашем анализе мы будем исходить из единственной реальности, которой мы располагаем, — из материала, предоставляемого нам древними и новыми индоевропейскими языками. Обратимся прежде всего к тем способам, с помощью которых различные индоевропейские языки образуют интранзитивные формы от переходных глаголов, и попытаемся определить, могут ли хотя бы некоторые из этих способов восходить к общеиндоевропейскому языковому состоянию.

Позднее происхождение аналитических пассивных конструкций, а также интранзитивных глагольных форм с аффиксальным местоименным показателем не вызывает, разумеется, никаких сомнений. Во многих индоевропейских языках формирование этих способов интранзитивации можно проследить по письменным памятникам⁵. К более отдаленной эпохе

¹ А. В. Д е с н и ц к а я, Из истории развития категории глагольной переходности, сб. «Памяти академика Л. В. Щербы», Л., 1951.

² J. K u g u l o w i c z, The inflectional categories of Indo-European, Heidelberg, 1964, стр. 57.

³ В я ч. В с. И в а н о в, Хеттский язык, М., 1963, стр. 161.

⁴ В я ч. В с. И в а н о в, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965, стр. 137.

⁵ См. об этом, в частности: М. М. Г у х м а н, Развитие залоговых противопоставлений в германских языках, М., 1964. Наряду с германским материалом в этой книге широко привлекаются также материалы других индоевропейских языков.

восходят представленные в некоторых индоевропейских языках способы образования интранзитивных форм с помощью тех или иных суффиксов. Анализ соответствующих фактов убеждает нас, однако, в том, что суффиксальную интранзитивацию также нельзя возводить к ранней истории индоевропейских языков. Суффиксы, используемые для образования непереходных форм от переходных глаголов в различных индоевропейских языках, либо даже материально не являются общеиндоевропейскими, либо, будучи общеиндоевропейскими со стороны формальной, обладают функцией интранзитивации лишь в отдельных индоевропейских языках или языковых группах, а в других индоевропейских языках выступают с совершенно иными функциями, порою прямо противоположными, употребляясь, например, для образования переходных (фактитивно-каузативных) форм от непереходных глаголов. Более того, во многих случаях материал отдельно взятого индоевропейского языка позволяет нам проследить, как тот или иной суффикс приобретает в этом языке функцию интранзитивации, которая прежде не была ему свойственна.

В древнеиндийском языке пассивные формы системы презенса образуются путем присоединения к основе глагола суффикса *-yá-* (<и.-е. **-je/o-*) с ударением на тематическом гласном. Генетическая связь этих пассивных форм с древнеиндийскими глаголами четвертого класса, характеризующимися суффиксом *-ya-* и ударением на корне, общепризнанна⁶. Подтверждается она различными колебаниями в образовании форм, указывающими на отсутствие строгого разграничения между пассивом и глаголами четвертого класса. Порою формы с явно выраженным пассивным значением имеют, подобно глаголам четвертого класса, ударение на корне: *ksáyate* «он уничтожается» (*ksiṇóti* «уничтожать»), *jáyate* «он побеждается» (*jináti* «побеждать»), *múcyate* «он освобождается» (*muñcáti* «освобождать») и т. д.; в других случаях глагольные формы, не являющиеся пассивными, имеют, подобно пассивным формам, ударение на тематическом гласном: *mriyáte* «он умирает», *driyáte* «он наблюдает» и т. д.⁷. Хотя глаголы четвертого класса в большинстве своем непереходны, к этому классу принадлежат также и переходные глаголы: *mányate* «считать кого-либо кем-либо», *páśyati* «видеть что-либо, кого-либо» и т. д. Общим семантическим моментом, объединяющим почти все глаголы этого класса в ведийском языке (за исключением некоторого числа вторичных, деноминативных или девербативных, образований), выступает их видовое курсивное значение. Связь между презентными основами на *-je/o-* и непереходностью, наблюдаемая в древнеиндийском языке, является вторичной⁸. Функционирование индоевропейского суффикса **-je/o-* в основных чертах сходное с тем, которое засвидетельствовано в древнеиндийском, прослеживается в системе древнеиранского (авестийского) глагола⁹, но за пределами индоиранских языков суффикс **-je/o-* в роли интранзитивирующего форманта не выступает.

В классическом армянском языке формы пассива в системе презенса образуются путем присоединения к основе глагола суффикса *-i-* (напри-

⁶ А. А. М а с д о н е л л, *Vedic grammar*, Strassburg, 1910, стр. 331; L. R e n o u, *Grammaire de la langue védique*, Lyon — Paris, 1952, стр. 292; Т. В у р г о w, *The Sanskrit language*, London, 1955, стр. 352 и сл.; А. Т h u m b—R. Н а u s c h i l d, *Handbuch des Sanskrit*, II, Heidelberg, 1959, стр. 333; Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, *Значение основ презенса в Ригведе*, сб. «Языки Индии», М., 1961, стр. 126.

⁷ А. А. М а с д о н е л л, указ. соч., стр. 331; L. R e n o u, указ. соч., стр. 292; Т. В у р г о w, указ. соч., стр. 353; Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, указ. соч., стр. 109, 113.

⁸ Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, указ. соч., стр. 132.

⁹ С h r. В а r t h o l o m a e, *Das altiranische Verbum in Formenlehre und Syntax dargestellt*, München, 1878, стр. 114 и сл.

мер, *berem* «я несу» — *berim* «я несом, меня несут») ¹⁰, но этот же презентный основообразующий суффикс мы наблюдаем и у глаголов, не являющихся пассивными: *nstim* «я сижу», *meranim* «я умираю» и т. д.; в ряде случаев суффикс *-i-* выступает в основе презенса переходных глаголов: *sksanim* «я начинаю», *xawsim* «я говорю» ¹¹. Презентный основообразующий суффикс *-i-* классического армянского языка имеет общее происхождение со славянским презентным суффиксом *-i-* (<*-i-*>) ¹², который выступает у глаголов со стательным значением. К глаголам этого морфологического типа в славянском относятся по преимуществу непереходные глаголы [ст.-слав. *bъditъ* «он бодрствует» (инф. *bъděti*), *visitъ* «он висит» (инф. *visěti*), *sěditъ* «он сидит» (инф. *sěděti*), *bolitъ* «он болеет» (инф. *bolěti*), *goritъ* «он горит» (инф. *gorěti*)], но наряду с непереходными к этому типу принадлежат и некоторые переходные глаголы: *viditъ* «он видит» (инф. *viděti*), *slyšitъ* «он слышит» (инф. *slyšati*), *tyrpitъ* «он терпит» (инф. *tyrpěti*), *držitъ* «он держит» (инф. *držati*), *vrtitъ* «он вертит» (инф. *vrtěti*) и т. д. Относительно суффикса *-i-* мы можем прийти к тому же выводу, которым мы заключили рассмотрение суффикса *-je/o-*: использование этого суффикса в качестве интранзитивизирующего форманта не является исконным, первоначально этот суффикс служил приметой глаголов с определенной видовой семантикой, а именно стательных глаголов (глаголов, означающих состояние), которые чаще бывают непереходными, но могут быть и переходными.

В готском языке имеется около 60 глаголов со словообразовательным суффиксом *-na/-nō-* (так называемый четвертый класс слабых глаголов). Все эти глаголы непереходны, большей частью они обозначают становление какого-либо состояния. Во многих случаях этим глаголам противостоят образованные от того же корня переходные глаголы, сильные или слабые 1-го класса: *us-gutnan* «пролиться, вылиться» — *giutan* «лить», *fullnan* «наполняться» — *fulljan* «наполнять» и т. д. Эта же словообразовательная модель засвидетельствована и в других германских языках (скандинавских, западногерманских), где она имеет значительно меньшую продуктивность, чем в готском ¹³. За пределами германских языков мы наблюдаем сходное функционирование назального суффикса в славянских языках: ср. русск. *гаситъ* — *гаснутъ*, *губитъ* — *гибнутъ*, *мочитъ* — *мокнутъ*, *слепитъ* — *слепнутъ* и т. д. ¹⁴. В других индоевропейских языках подобное использование назального суффикса не прослеживается ¹⁵. Если, рассматривая суффиксы *-je/o-* и *-i-*, мы могли высказать какое-либо суждение о их первоначальной функции, то по отношению к назальному суффиксу сделать это гораздо труднее. С уверенностью можно утверждать лишь одно: связь назального форманта с интранзитивностью представляет собой ареальную инновацию и не восходит к общеиндоевропейскому языковому состоянию. В этой связи большое значение имеет тот факт, что в ряде индоевропейских языков наблюдается тенденция к использованию суффикса с назальным элементом для образования транзитивных (факти-

¹⁰ A. Meillet, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, 2-е éd., Vienne, 1936, стр. 107.

¹¹ Э. Г. Туманян, *Древнеармянский язык*, М., 1971, стр. 337.

¹² A. Meillet, указ. соч., стр. 107 и сл.; А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 187.

¹³ М. М. Гухман, *Глагол в германских языках*, «Сравнительная грамматика германских языков», IV, М., 1966, стр. 190 и сл.

¹⁴ Ch r. S. S t a n g, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942, стр. 54.

¹⁵ В особом положении находятся балтийские языки, где в качестве интранзитивизирующего форманта выступает не назальный суффикс, а назальный инфикс. См. об этом: Ch r. S. S t a n g, *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo—Bergen — Tromsø, 1966, стр. 338 и сл.

тивно-каузативных) форм от непереходных глаголов. Подобная тенденция характерна для древнеиндийского языка, где глаголы с назальным суффиксом большей частью являются переходными, а в некоторых случаях активному глаголу с назальным суффиксом, имеющему переходное значение, противопоставлен образованный от этого же корня медиальный глагол без назального элемента, выступающий в непереходном значении (например, *ṛunāti* «он очищает» — *ṛavate* «он блистает») ¹⁶. В балтийских языках суффикс с назальным элементом используется для образования глаголов с каузативным значением от глаголов непереходных ¹⁷. В хеттском языке суффикс *-ni-* служит обычным средством образования каузативов: *ar-* «прибывать, достигать»/*arnu-* «приносить, доставлять», *ḫar-* «гореть»/*ḫarnu-* «зажигать», *ḫark-* «гибнуть»/*ḫarganu* «губить» и т. д. ¹⁸.

До сих пор мы ограничивали наш анализ только такими формантами, которые являются по своему происхождению презентными основообразующими суффиксами (различные варианты суффикса с элементом *-i-*, различные варианты назального суффикса), но в качестве интранзитивизирующих формантов используются также суффиксы, имеющие иное происхождение. В системе аориста древнегреческого языка в этой роли выступают суффиксы *-η-* и *-θη-*; *τρέφω* «кормлю, возвращаю» — *ἐτρέφην* «я был вскормлен, возвращен», *φθείρω* «гублю» — *ἐφθάρην* «я погиб, я был погублен», *ἐγείρω* «бужу» — *ἠγέρθη* «я пробудился», *λύω* «развязываю, освобождаю» — *ἐλύθη* «я был развязан, освобожден» и т. п. Суффикс *-θη-* не имеет соответствий за пределами греческого языка, индоевропейские связи суффикса *-η-* несомненны. В ряде индоевропейских языков суффикс **-ē-* характеризует класс глаголов, которым свойственно обозначение состояния ¹⁹, большей частью эти глаголы непереходны, но многие глаголы этого морфологического типа сочетаются в предложении с винительным падежом прямого дополнения: ср. лат. *latēre* (*latē-re*) «быть скрытым», *silēre* «молчать», *calēre* «быть горячим», *iacēre* «лежать», *vigēre* «быть бодрым», *manēre* «оставаться», но также *vidēre* «видеть», *timēre* «бояться», *habēre* «иметь», *tenēre* «держаться» и т. д.; ст.-слав. *brǫdĕti* (*brǫdĕ-ti*) «бодрствовать», *skrbĕti* «печалиться», скорбеть», *sĕdĕti* «сидеть», *gorĕti* «гореть», но также *vidĕti* «видеть», *zbrĕti* «смотреть, видеть», *trpĕti* «терпеть», *vrĕtĕti* «вертеть» и т. д.; др.-в.-нем. *swigēn* (*swigē-n*) «молчать», *lohēn* «гореть, пылать», *lebēn* «жить», *dagēn* «молчать», но также *fiēn* «ненавидеть», *dolēn* «терпеть», *habēn* «иметь» и т. д. ²⁰. Для того чтобы убедиться в том, что функция интранзитивации не является для суффикса *-ē-* ископной, нет даже необходимости сопоставлять материал различных индоевропейских языков: глагольные формы с суффиксом *-η-* (<и-е. **-ē-*), управляющие винительным падежом прямого дополнения, в единичных случаях засви-

¹⁶ J. K u r y ł o w i c z, Le genre verbal en indo-iranien, RO, VI, 1928, стр. 208; е го же, Le hittite, «Proceedings of the VIII international congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 242; F. B. J. K u i p e r, Die indogermanischen Nasalpräsentia, Amsterdam, 1937, стр. 215; L. R e n o u, Grammaire de la langue védique, стр. 264; е го же, Grammaire sanscrite, Paris, 1961, стр. 423.

¹⁷ F. B. J. K u i p e r, Die indogermanischen Nasalpräsentia, стр. 216; C h r. S. S t a n g, Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, стр. 367 и сл.

¹⁸ J. K u r y ł o w i c z, Le hittite, стр. 242; J. F r i e d r i c h, Hethitisches Elementarbuch, I, 2-te Aufl., Heidelberg, 1960, стр. 74; A. K a m m e n h u b e r, Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch, в кн.: «Altkleinasiatische Sprachen», Leiden — Köln, 1969, стр. 231.

¹⁹ Подробнее об этом см.: И. А. П е р е л ь м у т е р, К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола, ВЯ, 1969, 5, стр. 15 и сл.

²⁰ Отсутствие обязательной связи между индоевропейским формантом **-ē-* и интранзитивностью справедливо отмечается в работе Г. Вагнера: H. W a g n e r, Zu den indogermanischen *-ē-* Verben, ZfcltPh, 25, 3, 1956, стр. 161.

детельствованы в древнегреческом языке: $\acute{\epsilon}\delta\alpha\eta\upsilon$ «я узнал» (Гомер и др.) $\acute{\epsilon}\delta\rho\acute{\alpha}\chi\eta$ «я увидел» (Пиндар).

Предшествующее изложение, как нетрудно было заметить, не имело полемической направленности; в том, что основообразующим формантам индоевропейского глагола первоначально не была свойственна функция интранзитивации, компаративисты, за редкими исключениями, согласны между собой²¹.

Теперь мы переходим к проблемам, являющимся в науке дискуссионными.

Некоторые исследователи склонны усматривать разное отношение к категории переходности у различных морфологических типов индоевропейского аориста. Первоначальная интранзитивность приписывается при этом корневому атематическому аористу. По мнению Вяч. Вс. Иванова, греческо-арийский корневой атематический аорист восходит ко второй серии индоевропейских глагольных форм²². Вяч. Вс. Иванов исходит в данном случае из чисто формального (фонетического) момента — наличия рефлекса ларингального у корней соответствующего типа, но поскольку он связывает со второй серией индоевропейских глагольных форм определенное значение (непереходно-медиопассивное), то тут неизбежно возникает вопрос, в какой мере соответствуют атематические аористы тому представлению о функционально-семантической сфере второй серии глагольных форм, которое выдвигается в работах этого автора. Интересно отметить, что вне всякой связи с ларингальной теорией точку зрения о преимущественной интранзитивности атематических аористов с долгим гласным в корне (а именно эти аористы рассматриваются Вяч. Вс. Ивановым) высказал П. Шантрэн²³.

Обратимся прежде всего к фактам древнеиндийского языка, в котором корневой атематический аорист представлен очень широко, а корни на долгий гласный составляют довольно многочисленную группу среди корней, образующих аорист этого типа. В Ригведе, древнейшем памятнике древнеиндийского языка, атематический аорист является самым распространенным типом аориста, он засвидетельствован здесь более чем от ста глагольных корней²⁴. Формы атематического аориста, образованные от переходных глаголов и сами выступающие с переходным значением, в количественном отношении явно преобладают над формами, образованными от непереходных глаголов. Атематические аористы от корней с долгим гласным не составляют в этом отношении исключения²⁵. Факты древнеиндийского языка, таким образом, отнюдь не свидетельствуют о преимущественной интранзитивности атематического аориста.

²¹ В свое время П. Дильс пытался доказать существование индоевропейского пассива, характеризовавшегося суффиксом $*-ze/o-$ (P. D i e l s, Über das indogermanische Passivum, «Schlesische Gesellschaft für vaterländische Cultur», Jahresbericht 91, IV Abt. — Orientalisch-Sprachwissenschaftliche Sektion, 1913). П. Дильс не сумел выдвинуть в пользу своей точки зрения убедительных аргументов. Г. Хирт был, по-видимому, единственным индоевропеистом, поддержавшим Дильса в этом вопросе (H. H i r t, Indogermanische Grammatik, IV, Heidelberg, 1928, стр. 134; е г о ж е, Indogermanische Grammatik, VI, Heidelberg, 1934, стр. 209).

²² Вяч. Вс. И в а н о в, Общайндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 77, 82, 85, 112, 174; е г о ж е, Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском, «Славянское языкознание (VI Международный съезд славистов)», М., 1968, стр. 227, 228, 230, 242, 256, 261, 263.

²³ P. C h a n t r a i n e, Les aoristes athématiques à voyelle longue en grec ancien, MSLP, 23, 1927, стр. 135 и сл.

²⁴ Т. Я. Е л и з а р е н к о в а, Аорист в «Ригведе», М., 1960, стр. 63.

²⁵ Глагольные корни, образующие атематический аорист, перечисляются в указанной работе Т. Я. Елизаренковой на стр. 69—90.

В древнегреческом языке среди немногочисленных атематических аористов, имеющих активную флексию, формы с переходным значением встречаются во всяком случае не реже форм непереходных [ἔδωκε «он дал», ἔθηκε «он положил, поставил», ἔθηκε «он пустил, бросил», ἔκτα «он убил», ἔφθη «он опередил (кого-либо)», ἔτλη «он вытерпел, выдержал (что-либо)», ἔγινω «он узнал (кого-либо, что-либо)»], но у нескольких глаголов наблюдается странное отклонение от обычной нормы: формы активного презенса этих глаголов имеют переходное значение, а формы активного атематического аориста — значение непереходное (δύω «я погружаю» — ἔδδυν «я погрузился», φύω «я возвращаю» — ἔφυν «я вырос», ἵστημι «я ставлю» — ἔστην «я встал», σκέλλω «я сушу» — ἔσκλην «я иссох») ²⁶.

Во всех этих случаях перед нами несомненная греческая инновация, а не отражение каких-либо закономерностей отдаленных периодов языкового развития. Противопоставление переходного δύω и непереходного ἔδδυν возникло уже относительно поздно в истории древнегреческого языка. У Гомера оно не наблюдается, формы активного презенса этого глагола имеют в языке Гомера непереходное значение, совпадая в этом отношении с формами атематического аориста. Презенс φύω выступает у Гомера не только в переходном, но также и в непереходном значении (Ил. VI, 149); первоначальным для этого глагола следует признать непереходное значение; во всех индоевропейских языках, где этот глагол засвидетельствован, он выступает как исконно интранзитивный (и.-е. корень *bhū-; др.-инд. презенс bhavati, аорист abhūt «быть, делаться, происходить»; лат. fui «я был», литов. būti «быть, находиться»; русск. быть и т. д.), поэтому у какой-либо интранзитивирующей функции атематического аориста в данном случае не приходится говорить. Глагол ἵστημι (<ἵσταμι) «ставить» образует корневой атематический аорист с переходным значением ἔστην «я встал» и переходный сигматический аорист ἔστησα «я поставил». Хотя презенс ἵστημι повсюду обнаруживает только переходное значение, в современной науке широко принята точка зрения, в соответствии с которой презенс ἵστημι был первоначально непереходным. Во всех индоевропейских языках глагольные формы от этого корня, содержащие и.-е. *-ā-, являются непереходными (лат. stare «стоять», др.-инд. аорист asthām «я встал», литов. stōti «стать», русск. стать и т. д.). Изменение значения в плане переходности произошло у этого глагола под влиянием ряда факторов в системе презенса ²⁷, атематический аорист сохранил первоначальное непереходное значение индоевропейского глагольного корня *stā-. У глагола σκέλλω, который П. Шантрэн также приводит в своей статье, непереходный аорист ἔσκλην «я иссох» содержит элемент -η-; каково бы ни было его действительное происхождение, в сознании носителей языка этот элемент мог отождествляться с интранзитивирующим аористным суффиксом -η-, о котором речь шла выше.

Таким образом, рассмотренные нами аномальные явления в системе древнегреческого глагола получают удовлетворительное объяснение на основе материала самого древнегреческого языка; они не могут быть использованы в качестве аргументов в пользу существования исконной связи между корневым атематическим аористом и интранзитивностью.

Надо, впрочем, сказать, что в рассуждениях сторонников концепции двух серий глагольных форм атематический аорист не занимает большого

²⁶ P. Chantraine, указ. соч.

²⁷ H. Frisk, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1956—1972; P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, II, Paris, 1970; И. А. Перельмутер, Морфологические типы древнегреческого аориста и категория переходности, сб. «Лингвистические исследования», I, М., 1973, стр. 261 и сл.

места, ко второй (интранзитивно-пассивной) серии эти исследователи возводят в первую очередь перфект и меди́й.

Окончания перфекта (в активных формах единственного числа) резко отличаются от личных окончаний презентно-аористной системы: перфект 1 л. ед. ч. — *a*, 2 л. ед. ч. — *tha*, 3 л. ед. ч. — *e*, презент-аорист 1 л. ед. ч. — *mi(-m)*, 2 л. ед. ч. — *si(-s)*, 3 л. ед. ч. — *ti(-t)* ²⁸. Медиальные окончания восходят, во всяком случае частично, к окончаниям перфекта ²⁹. Формальное сходство было, по-видимому, связано с близостью между перфектом и меди́ем в функционально-семантическом плане. По мнению Е. Куриловича, «семантическим признаком, общим для обеих этих категорий (для перфекта и меди́я. — *И. П.*), было интранзитивное значение» ³⁰. Именно интранзитивное значение и служило, как полагает Е. Курилович, основным семантическим признаком второй серии глагольных форм.

Эта точка зрения не может не вызвать ряда серьезных возражений. Даже Вяч. Вс. Иванов, в целом разделяющий концепцию Е. Куриловича, указывает на чрезвычайную трудность восстановления древней функции второй серии глагольных форм, «дифференциация которой на несколько групп глагольных парадигм осуществилась к началу письменной истории всех известных нам индоевропейских языков, в том числе и анатолийских» ³¹. Имеющийся в нашем распоряжении материал древних индоевропейских языков побуждает нас отнестись критически к утверждению Е. Куриловича. В древнейших памятниках индоевропейских языков (в частности у Гомера) формы перфекта многих глаголов выступают с переходным значением, в том числе и такие формы, индоевропейская древность которых подтверждается надежными соответствиями. Как правило (о единичных исключениях речь пойдет ниже), формы перфекта не отличаются от соответствующих форм презенса и аориста в плане переходности.

Меди́й в ряде древних индоевропейских языков действительно мог служить для образования интранзитивных форм от переходных глаголов, но функции меди́я этим отнюдь не ограничивались; очень часто медиальные формы сочетаются в предложении с винительным падежом прямого дополнения, указывая в этих случаях на особый характер связи действия с субъектом (совершение субъектом действия в свою пользу, в своих интересах и т. п.) ³². Никакие данные не свидетельствуют о том, что функция интранзитивации является древнейшей функцией меди́я и была некогда единственной его функцией, как полагает Е. Курилович ³³. Наблюдаемая в истории индоевропейских языков тенденция развития меди́я в функционально-семантическом плане прямо противоположна той, которую реконструирует Е. Курилович. Функция интранзитивации постепенно все более выдвигается у меди́я на передний план, вытесняя в той или иной мере, а иногда и полностью все прочие его функции. Эта тенденция прослеживается в истории хеттского языка ³⁴. В позднем санскрите медиаль-

²⁸ O. S z e m e r é n y i, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 216, 226.

²⁹ J. K u r y ł o w i c z, Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite, BSLP, 33, 1932; Chr. S. S t a n g, Perfektum und Medium, NTS, VI, 1932.

³⁰ J. K u r y ł o w i c z, The inflectional categories of Indo-European, стр. 61.

³¹ Вяч. Вс. И в а н о в, Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 115.

³² Подробнее об этом см., в частности: А. Н. С а в ч е н к о, Происхождение среднего залога в индоевропейском языке, Ростов-на-Дону, 1960.

³³ J. K u r y ł o w i c z, L'aoriste au point de vue formel, «Eos», 32, 1929, стр. 221; е г о ж е. The inflectional categories of Indo-European, стр. 74.

³⁴ E. N e u, Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen, Wiesbaden, 1968, стр. 56, 62, 63, 80, 106.

ные формы выступают чаще всего в значении рефлексива³⁵. В новогреческом языке медий служит по преимуществу для образования интранзитивных (возвратных, пассивных) форм от переходных глаголов, с винительным падежом прямого дополнения медиальные формы сочетаются лишь в том случае, если это формы депонентных глаголов³⁶.

В италийских, германских и тохарских языках, письменная история которых началась значительно позже письменной истории хеттского, древнегреческого и древнеиндийского, глагольная формация, восходящая по своему происхождению к индоевропейскому медию, выступает в первую очередь как средство образования интранзитивных форм от переходных глаголов.

В латинском языке сохранились лишь единичные следы транзитивного употребления медиопассивных форм от недепонентных глаголов³⁷. В обоих тохарских языках медиальные формы активных глаголов, управляющие винительным падежом, встречаются крайне редко³⁸. Формам готского медиопассива транзитивное употребление совершенно не свойственно³⁹.

Приведенные факты трудно согласовать с представлением о том, что функция интранзитивации была древнейшей функцией медиа, в ходе развития уступившей свое место его новым функциям. Есть все основания полагать, что функционально-семантическая эволюция медиа протекала как раз в обратном направлении.

Окончания медиа лишь частично отражают вторую серию глагольных форм, некоторые медиальные окончания представляют собой аблаутные варианты окончаний актива [2 л. ед. ч. *-so(i)/-s(i)*, 3 л. ед. ч. *-to(i)/-t(i)*, 3 л. мн. ч. *-nto(i)/-nt(i)*]; основное ядро второй серии глагольных форм составляла та формация, к которой восходит перфект древнегреческого и древних индоиранских языков, германский сильный претерит.

По мнению Е. Куриловича, «индоевропейский перфект является древнейшей формой медиопассива»⁴⁰. Для доказательства этого положения Курилович использует в основном данные древнегреческого языка. На особое значение греческого материала в этой связи он прямо указывает⁴¹. Приводя те случаи, где депонентному презенту соответствует активный перфект (*βούλωμαι — βέβουλα* «желать, хотеть», *γίγνομαι — γέγονα* «рождаться, происходить, совершаться», *δέρκομαι — δέδωρα* «смотреть, гля-

³⁵ J. Bloch, *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*, Paris, 1965, стр. 220.

³⁶ Под депонентными здесь понимаются не только такие глаголы, от основы которых вовсе не образуются активные формы, но также и такие, которые настолько обособились по своему значению от соответствующих (образованных от той же основы) активных глаголов, что представляют собой самостоятельную лексическую единицу. О функционально-семантической эволюции медиа в истории греческого языка см.: A. Mirambel, *Remarques sur les voix du verbe grec moderne et l'expression du passif*, BSLP, 45, 1, 1949; E. Schwyzer — A. Debrunner, *Griechische Grammatik*, II, München, 1950, стр. 235 и сл.; A. Debrunner — A. Scherer, *Geschichte der griechischen Sprache*, II, Berlin, 1969, стр. 113.

³⁷ J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax*, Erste Reihe, 2-te Aufl., Basel, 1926, стр. 130 и сл.; Е. А. Реферовская, Латинская «медиальная» форма, ВЯ, 1959, 1; И. М. Тронский, Историческая грамматика латинского языка, М., 1962, стр. 211; J. B. Hofmann — A. Szantyr, *Lateinische Syntax und Stilistik*, München, 1965, стр. 289.

³⁸ W. Krause, *Westtocharische Grammatik*, I — *Das Verbum*, Heidelberg, 1952, стр. 23 и сл.; W. Krause — W. Thomas, *Tocharisches Elementarbuch*, I, Heidelberg, 1960, стр. 173 и сл.

³⁹ М. М. Гухман, Глагол в германских языках, стр. 262 и сл.

⁴⁰ J. Kuryłowicz, *The inflectional categories of Indo-European*, стр. 63.

⁴¹ Там же, стр. 58.

деть» и т. п.), Курилович полагает, что подобные соответствия свидетельствуют о «теснейшей связи перфекта с медиопассивом»⁴².

Но о какой-либо связи перфекта с пассивом здесь вообще не может идти речь, поскольку все приведенные глаголы с депонентным презенсом ничего общего с пассивом по своему значению не имеют. Эти соответствия не могут также служить основанием для вывода о связи перфекта с медиом. Уже давно и твердо установлено, что перфект первоначально имел лишь один ряд личных окончаний, так называемые активные окончания, что медиальные окончания проникли в систему перфекта относительно поздно⁴³; поэтому вполне естественно, что и активному презенсу соответствует так называемый активный перфект, и медиальному презенсу может соответствовать тот же самый так называемый активный перфект, поскольку медиального перфекта до определенного времени вообще не существовало.

Но в древнегреческих памятниках засвидетельствовано некоторое количество глаголов (приблизительно двадцать), у которых активному транзитивному презенсу противостоит активный интранзитивный перфект: *πειθω* «я убеждаю» — *πέποιθα* «я верю», *ἔλτω* «я внушаю надежду» — *ἔολλα* «я надеюсь», *ἄλλομι* «я гублю» — *ἄλωλα* «я погиб», *φθειρω* «я гублю» — *ἔφθορα* «я погиб» и т. д. Эти случаи, на первый взгляд, могут служить подтверждением точки зрения Куриловича, и они заслуживают самого пристального рассмотрения.

Прежде всего необходимо отметить, что ни у одного глагола этой группы подобное соотношение в функциональном плане между формой презенса и формой перфекта не находит соответствия за пределами древнегреческого языка, хотя в принципе можно было бы ожидать наличия таких соответствий в языках индоиранских, глагольная система которых обнаруживает очень большую степень близости с глагольной системой древнегреческого языка.

Заслуживает внимания в этой связи также и тот факт, что уже у Гомера имеется некоторое число перфектов (приблизительно пятнадцать), которые образованы от переходных глаголов и сами являются переходными (*πλήσσω* «ударять» — *πέπληγα*, *ἔρδω* «делать» — *ἔοργα*, *ἔδω* «есть, поедать» — *ἔδηδα*, *οἶδα* «знать» — *κάσχω* «терпеть» — *πέπονθα*, *βιβρώσκω* «есть, поедать» — *βέβρωκα*, *βιάω* «толкать, наступать» — *βεβίηκα*, *βάλλω* «бросать» — *βέβληκα*, *δέρκομαι* «глядеть, видеть» — *δέδορκα*, *λείπω* «оставлять» — *λέλοιπα*, *κόπτω* «ударять» — *κέκοπα*, *ώραώ* «видеть» — *ἔωραπα*, *μειρομαι* «получать в удел» — *ἔμιορα*, *λαγχάνω* «получать в удел» — *λέλογγα*, *χανθάνω* «вмещать, содержать» — *κέχανδα*), причем некоторые перфекты этой группы имеют надежные индоевропейские этимологии: *δέδορκα* — др.-инд. *dadárśa*; *λέλοιπα* — др. инд. *riréca*, лат. *(re)liqui*; *οἶδα* — др.-инд. *veda*.

Никаких сколько-нибудь основательных доводов в пользу глубокой индоевропейской древности оппозиции типа *πειθω* — *πέποιθα* приведено не было. По всей вероятности, рассматриваемое нами явление представляет собой древнегреческую инновацию. Попытаемся понять, каким образом эта инновация могла возникнуть.

В истории древнегреческого языка во многих случаях мы наблюдаем, что от глаголов первоначально депонентных в дальнейшем образуются активные формы с фактитивным значением. Так, например, у Гомера и Гесиода имеется депонентный глагол *ἀγάλλομαι* «красоваться, гордиться», лишь у Пиндара и Эврипида мы встречаем активный глагол от этой же

⁴² Там же, стр. 61.

⁴³ См. например: В. D e l b r ü c k, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, II, Strassburg, 1897, стр. 415; А. М e i l l e t, *Les désinences du parfait indo-européen*, BSLP, 25, 1924, стр. 95 и сл.

основы ἀγάλλω «украшать, прославлять». У Гомера большим числом форм представлен депонентный глагол αἶδομαι «гореть, пылать», активные формы этого глагола со значением «жечь, зажигать» засвидетельствованы лишь у Эсхила и Геродота. Глагол ἀτόζομαι «быть изумленным, пораженным» встречается у Гомера только в медиальной форме, активный глагол ἀτόζω «поражать, изумлять» представлен в очень позднем памятнике, у Феокрита. Большим числом форм засвидетельствован у Гомера глагол μαίνομαι «безумствовать», активные формы этого глагола с фактивным значением (ἐκμαίνω «приводить в гнев, в безумие») представлены единичными формами у Эврипида и Аристофана. То же самое можно сказать и о некоторых других глаголах, имеющих у Гомера только медиальные формы: νοσφίζομαι «удаляться»; позднее также νοσφίζω «удалять, похищать»; σήπομαι «гнить», позднее также σήπω «гноить»; τέρσομαι «сохнуть», позднее также τέρσω «сушить» и т. д.

Тот факт, что у многих глаголов активные формы с фактивным значением вторичны по отношению к интранзитивным медиальным формам, уже давно установлен в науке⁴⁴.

Представим себе вполне обычный случай — депонентный глагол имеет активный перфект: например, μαίνομαι «безумствовать» — μέμνηα «быть в состоянии безумия». Когда в дальнейшей истории языка от глагола μαίνομαι был образован активный презенс с фактивным значением μαίνω «приводить в состояние безумия», то между формами активного презенса и активного перфекта возникло как раз то самое отношение в плане функционально-семантическом, которое служит предметом нашего рассмотрения (активный транзитивный презенс — активный интранзитивный перфект): μαίνω «делать безумным» — μέμνηα «безумствовать».

У данного глагола интересующее нас явление возникло уже в исторический период. Процессы подобного рода несомненно происходили и в доистории древнегреческого языка. Во многих случаях в пользу первичности интранзитивного значения у рассматриваемых нами глаголов свидетельствуют данные, которые можно почерпнуть из сравнительно-исторического анализа.

Глаголу πείθω «убеждать» со стороны звуковой формы точно соответствует лат. *fīdo*, *-ere* «верить, доверять, полагаться», но в греческом это значение передается медиальной формой πείθομαι. Первичность медиального πείθομαι по отношению к активному πείθω общепризнанна⁴⁵. И у этого глагола противопоставление активного транзитивного презенса активному интранзитивному перфекту (πείθω «я убеждаю» — πέποιθα «я убежден, я верю») представляет собой инновацию, возникшую в результате того, что от основы πείθ-, имевшей первоначально в древнегреческом только медиальные формы с интранзитивным значением, в дальнейшем стали образовываться и активные формы со значением фактивным.

Противопоставление ἐγείρω «будить» — ἐγρήγορα «бодрствовать» имеет, по всей вероятности, также вторичное происхождение; медиальные формы этого глагола со значением «бодрствовать» древнее активных его форм; в древнеиндийском языке представлено лишь медиальное *jārate* «просypаться, бодрствовать»⁴⁶.

⁴⁴ В. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, II, стр. 417 и сл.; E. Schwyzer — A. Debrunner, *Griechische Grammatik*, II, стр. 227 и сл.

⁴⁵ P. Chantraine, *Grammaire homérique*, I, Paris, 1942, стр. 283; H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1954—1972.

⁴⁶ H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*; P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, II; M. Mauryer, *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I, Heidelberg, 1956, стр. 427. Древнеиндийский глагол с транзитивным значением, образованный от этого корня, *jāgārti* «будить» имеет вторичное (деперфективное) происхождение.

Презенс $\tau\acute{\iota}\rho\omega$ «растоплять, плавить» противостоит перфекту $\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\kappa\alpha$ «таять, растекаться», и в данном случае рассматриваемая нами оппозиция в плане транзитивности возникла, по-видимому, уже в древнегреческом языке; образованные от того же корня глаголы в других индоевропейских языках имеют непереходное значение: русск. *таять*, лат. *tabeo* / *-ēre* «таять, растекается».

Общепризнано, что активное $\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega$ «внушать надежду, обнадеживать» произведено от медиального $\acute{\epsilon}\lambda\pi\omicron\mu\alpha\iota$ «надеяться»⁴⁷, следовательно, противопоставление активного транзитивного презенса активному интранзитивному перфекту и у этого глагола ($\acute{\epsilon}\lambda\pi\omega$ «обнадеживать» — $\acute{\epsilon}\sigma\lambda\tau\alpha$ «надеяться») представляет собой инновацию.

Ту же оппозицию мы наблюдаем у глагола $\varphi\theta\acute{\epsilon}\iota\rho\omega$ ($\varphi\theta\acute{\epsilon}\iota\rho\omega$ «губить» — $\acute{\epsilon}\varphi\theta\omicron\rho\alpha$ «быть погибшим»); древнеиндийский глагол *ksárati*, этимологически соответствующий глаголу $\varphi\theta\acute{\epsilon}\iota\rho\omega$, имеет непереходное значение «течь, растекаться, исчезать».

Нельзя исключить того, что и у каких-либо других глаголов рассматриваемой нами группы активные формы с фактивным значением производны от непереходных медиальных форм. Так, например, Б. Дельбрюк полагал, что $\delta\alpha\acute{\iota}\omicron\mu\iota$ «гореть» первично по отношению к $\delta\alpha\acute{\iota}\omega$ «зажигать»⁴⁸. Важно отметить, что ни один из глаголов рассматриваемой нами группы не относится к числу глаголов *activa tantum*, все эти глаголы имеют, наряду с активными, также и медиальные формы.

Возможно, впрочем, что транзитивное значение у презенсов рассматриваемой нами группы глаголов появлялось не только в результате образования активных форм от первоначально депонентных глаголов, это значение могло возникать и с помощью других морфологических процессов, в частности путем присоединения к основе глаголов транзитивирующих формантов. Особого внимания в этой связи заслуживают презенсы, основа которых осложнена суффиксом *-vu-*: $\pi\acute{\tau}\gamma\upsilon\upsilon\mu\iota$ «я вколачиваю» — $\pi\acute{\epsilon}\kappa\eta\gamma\acute{\epsilon}$ «(копье) воткнуто», $\chi\omicron\rho\acute{\epsilon}\nu\upsilon\omicron\mu\iota$ «я кормлю, насыщаю» — $\chi\epsilon\chi\omicron\rho\eta\acute{\omega}\varsigma$ (причастие активного перфекта) «насыщенный», $\delta\lambda\lambda\omicron\mu\iota$ (<* $\delta\lambda$ - υ - $\mu\iota$) «я гублю» — $\delta\lambda\omega\lambda\alpha$ «я погиб», $\delta\rho\upsilon\mu\iota$ «я поднимаю, возбуждаю» — $\delta\rho\omega\rho\epsilon$ «(спор) поднялся, начался», $\acute{\alpha}\gamma\upsilon\omicron\mu\iota$ «я ломаю, разбиваю» — $\acute{\epsilon}\alpha\gamma\epsilon$ «(палица) сломана», $\rho\acute{\eta}\gamma\upsilon\omicron\mu\iota$ «я ломаю, разрываю» — $\acute{\epsilon}\rho\rho\omega\gamma\epsilon$ «(одежда) разорвана». В пользу того, что суффикс *-vu-* выступает здесь с транзитивирующей функцией, можно привести ряд доводов. Связь между суффиксами *-vu-* и транзитивностью не вызывает сомнений. Все глаголы на *-vu-* с активной флексией (а их приблизительно пятьдесят, не считая глаголов с приставками)⁴⁹ имеют отчетливо выраженное переходное значение⁵⁰. Противопоставление транзитивного презенса с суффиксом *-no-/-ni-* интранзитивным формам аориста и перфекта того же глагола наблюдается также в древнеиндийском языке⁵¹. Образование каузативных глаголов с помощью суффикса *-ni-* широко представлено в хеттском языке (см. выше).

Итак, у большинства глаголов рассматриваемой нами группы транзитивное значение презенса выступает как вторичное, а перфект сохраняет

⁴⁷ Н. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*; P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, II.

⁴⁸ В. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, II, стр. 36, 418.

⁴⁹ См.: P. Kretschmer — E. Lосker, *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache*, 2-te Aufl., Göttingen, 1963.

⁵⁰ Единственное исключение — глагол $\zeta\acute{\epsilon}\nu\upsilon\omicron\mu\iota$ «кипеть», засвидетельствованный лишь в поздних памятниках. См.: E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, I, München, 1953, стр. 685, 697.

⁵¹ F. В. J. Kuiper, *Die indogermanischen Nasalpräsentia*, стр. 215; Т. Я. Елиава, *Значение основ презенса в Ригведе*, стр. 106.

исконное непереходное значение соответствующего глагольного корня⁵². Греческий материал, вопреки мнению Е. Куриловича, не свидетельствует о первоначальной интранзитивирующей функции перфекта и не дает основания связывать со второй серией индоевропейских глагольных форм (перфектной и медиальной) непереходное значение. Ничего существенно нового в этом плане нельзя извлечь и из хеттского материала; к хеттскому спряжению на *-hi*, которое обычно возводят ко второй серии глагольных форм, принадлежат и непереходные и переходные глаголы⁵³.

В ходе предшествующего изложения мы рассмотрели целый ряд попыток найти какие-либо морфологические способы, служившие в общиндоевропейском для образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов; как мы стремились показать, эти попытки не привели к убедительным результатам. В системе общиндоевропейского глагола большую роль играло иное разграничение, лишь отчасти соприкасавшееся с оппозицией «переходность — непереходность», а именно разграничение между глаголами действия и глаголами состояния⁵⁴. Глаголы состояния характеризовались особым формальным строением (личные окончания так называемого индоевропейского перфекта, основообразующие индоевропейские суффиксы **-ā-*, **-ē-*)⁵⁵, основным семантическим признаком этих глаголов служила, по-видимому, стательность в сочетании с инактивностью субъекта⁵⁶. Большей частью эти глаголы были непереходными («бодрствовать», «болеть», «лежать», «висеть», «гореть», «сиять», «молчать», «иметь обыкновение», «быть похожим» и т. д.), но они могли быть и переходными, выражая в этих случаях по преимуществу (но не исключительно) психические процессы и чувственные восприятия («видеть», «знать», «терпеть», «бояться», «иметь», «держать» и т. д.). Поскольку глаголы состояния в большинстве своем были непереходными, характеризующие их формальные признаки в истории отдельных индоевропейских языков могли быть использованы в качестве интранзитивирующих формантов (например, индоевропейский суффикс **-ē-* в системе древнегреческого аориста), но это произошло уже относительно поздно.

Особые морфологические способы, маркирующие синтаксическое поведение глагола, служащие для образования интранзитивных форм от переходных глаголов, возникают в индоевропейских языках несравненно позднее, чем формальные различия между глаголами с семантикой действия и глаголами с семантикой состояния.

⁵² Вполне возможно, что в отдельных случаях возникшая уже оппозиция «переходный активный презенс — непереходный активный перфект» получила распространение путем аналогии, что у отдельных глаголов изменение значения [(переходность > непереходность) произошло в системе перфекта.

⁵³ J. K u r i l o w i c z, *Le hittite*, стр. 237. См. также выступление Р. Кроссленда в прениях по докладу Е. Куриловича на VIII международном конгрессе лингвистов («Proceedings of the VIII international congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 248).

⁵⁴ И. М. Т р о н с к и й, *Общиндоевропейское языковое состояние*, Л., 1967, стр. 91.

⁵⁵ См. об этом: И. А. П е р е л ь м у т е р, *О первоначальной функции индоевропейского перфекта*, ВЯ, 1967, 1; е г о ж е, *К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола*; е г о ж е, *Индоевропейские глагольные основы с исходом на долгий гласный*, «Лингвистические исследования», I, М., 1973.

⁵⁶ Значения, в которых употребляются здесь эти термины (стательность, инактивность субъекта), раскрыты в указанных работах автора.